

СТАТЬИ
ARTICLES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-470-483>
EDN: VDBQPI

Научная статья / Research article

Защитные практики в истории России: начало формирования «культуры отмены» или редкое событие прошлого?

Николай Алексеевич Могилевский

Алексей Владимирович Скиженок , Татьяна Васильевна Черникова
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

 francealex8@gmail.com

Аннотация: Дана трактовка сложного понятия «культура отмены», предложено в исторической ретроспективе использовать термин «защитная практика». Подчеркивая, что в целом примеров таких защитных практик в отечественной истории было немного, авторы анализируют два наиболее ранних из них. Первый относится к концу XVII в., когда разгорелся конфликт религиозно-политических группировок «латинствующих» и «грекофилов». В разрешении конфликта активную роль играл патриарх Иоаким, недвусмысленно занявший сторону «грекофилов». В итоге сочинения «латинствующих еретиков» были фактически запрещены, а сами они либо казнены, либо осуждены поместным собором Русской церкви. В XVIII в. проявления защитной практики стали еще более редкими, однако уже в самом конце столетия, при императоре Павле I, высшая власть снова вспомнила об этом приеме. Павел I, опасаясь распространения революционной «заразы», поставил себе целью запретить в России распространение «французских мод», отдельных слов, а также сочинений французских авторов (или тех, кто сочувственно отзывался о событиях Французской революции). Однако все эти меры не дали никакого эффекта и были в итоге отменены уже при Александре I. В итоге авторы приходят к выводу, что на начальном этапе Нового времени и даже в XVIII в. культура отмены не находила распространения в российской жизни, являясь скорее исключением, чем общественно-политической практикой.

Ключевые слова: патриарх Иоаким, братья Лихуды, Сильвестр Медведев, российская цензура, инакомыслие

Благодарности и финансирование: Исследование было подготовлено в рамках исследовательского проекта КМУ XII МГИМО МИД России.

Для цитирования: Могилевский Н.А., Скиженок А.В., Черникова Т.В. Защитные практики в истории России: начало формирования «культуры отмены» или редкое событие прошлого? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 470–483. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-470-483>

Defensive Social Practices in the History of Russia: the Early Formation of “Cancel Culture” or a Rare Event of the Past?

Nikolay Mogilevskiy , Alexey Skizhenok , Tatiana Chernikova

MGIMO University, Moscow, Russia

 francealex8@gmail.com

Abstract: While the concept of “cancel culture” is already a given in contemporary culture; through this article, the authors propose to illustrate a comparable concept/term “defensive practice” in a broader historical retrospective. The authors emphasize that in general there were relative few exam-

ples of such “defensive practices” in Russian history, but analyzes the two earliest of them. The first is at the end of the XVII century, when a conflict broke out between the religious and political groups of “Latinisers” and “Graecophils.” Patriarch Joachim played an active role in resolving the conflict by unequivocally taking the side of the “Graecophils.” As a result, the writings of “latinising heretics” were banned, and they were either executed or condemned by the local council of the Russian Church. In the XVIII century manifestations of comparable defensive practice became even rarer, but already at the very end of the century, under Emperor Paul I, the highest authorities again re-used this technique. Fearing the spread of revolutionary “contagion,” Paul I set the goal of banning the spread of “French fashions” in Russia, individual French words, as well as writings by French authors (or those who sympathized with the events of the French Revolution). However, all these measures had no effect and were eventually ended under Alexander I. As a result, the authors come to the conclusion that at the initial stage of the Modern era and even in the XVIII century, practices comparable to modern cancel culture were not widespread in Russian life, and were an exception rather than socio-political practice.

Keywords: Patriarch Joachim, Likhud brothers, Sylvester Medvedev, Russian censorship, dissent

Acknowledgements and Funding: The study was prepared as part of the research project of CMU XII MGIMO Univesity.

For citation: Mogilevskiy, Nikolay, Skizhenok, Alexey, and Chernikova, Tatiana. “Defensive Social Practices in the History of Russia: the Early Formation of “Cancel Culture” or a Rare Event of the Past?” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 470–483 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-470-483>

Введение

На Западе «культурой отмены» (от англ. *cancel culture*) называют практику осуждения публичных фигур за высказывания или действия, которые часть общества сочла аморальными или оскорбительными. Это общественная кампания, в ходе которой человека резко критикуют в СМИ и социальных сетях, с ним отказываются иметь дело, иногда лишают работы. Само собой – это явление наших дней, потому попытки найти ему параллели и аналогии в историческом материале.

Между тем в историческом контексте «культурой отмены» можно назвать попытку власти ограничить проникновение в страну тех или иных идей/явлений/людей. Иными словами, «культурой отмены» в исторической ретроспективе может считаться «культура ограничения» или «защитная практика».

В российской истории, вопреки представлениям о ее консервативности, примеров таких «защитных практик» не так много. Если в отечественной истории общественных отношений существовали тенденции, которые можно считать общими для трех последних столетий, то они были сформированы в XVII в., который по праву может считаться временем формирования основ последующей российской внутренней и внешней политики.

Бытует устойчивое представление о том, что русское общество допетровской России отличалось нетерпимостью по отношению к иностранцам, иноверцам и прочим представителям иных идентичностей. Однако это было далеко не так. Со времен Ивана III и даже ранее иностранцы регулярно появлялись на русской службе. В Московской Руси конца XV–XVII вв. инициатором найма иноземца всегда выступала государственная власть. Общество не оказывало этому сопротивления. При Василии III в Москве возникла первая Немецкая слобода – «Налейки», а при Иване IV в столице их было уже несколько. Один из служилых немцев, поступивший на русскую службу в конце XVI в., Конрад Буссов в своем сочинении о русской Смуте отметил, что в царствование Бориса Годунова в 1600–1601 гг. разрешено было построить в Старой Немецкой слободе на Яузе еще одну лютеранскую кирху Св. Михаила¹.

Дьяк Посольского приказа В.Я. Щелкалов пишет по этому поводу:

¹ Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. М., 1961. С. 85–86.

Государево милосердие ко всяким людям и к иноземцам, что царское величество по своему царскому милосердому обычаю жалует всех людей и всяких иноземцев, все ныне люди во благоденственном житье живут и Богу хвалу воздают, что Бог дал такова великого государя царя храброго и милостивого и праведного всему народу крестьянскому, да и чужеземцев всяких царское величество жалует².

В целом на протяжении всего XVII в. не существовало оснований для формирования «культуры отмены» или особых «защитных практик» внутри русского общества: иностранцы, носители иного культурного самосознания, не проникали внутрь общественных отношений, да и находились в России по воле государства.

Конфликт «латинствующих» и «грекофилов» в конце XVII в.

Раскол Русской православной церкви, возникший в результате церковной реформы патриарха Никона 1650-х гг., нельзя считать первым прецедентом «культуры отмены» или «защитной практики» в русском обществе. Дело в том, что «защитная практика» предполагает остракизм незначительного меньшинства в соответствии с позицией подавляющего большинства, тогда как в расколе проявилось противостояние практически равных друг другу частей общества – старообрядцев и никониан – каждая из которых воспринимала свою точку зрения как абсолютную религиозную истину. В этих условиях раскол стал состоянием российского общества на несколько десятилетий, отделявших момент проведения реформ патриархом Никоном от преобразований Петра I, включившего старообрядцев и никониан – Русскую православную церковь – в структуру новых отношений с обществом и властью³.

Одним из примеров формирования ненулевого конфликтного потенциала внутри российского общества и достаточно редким проявлением «защитных мер» как консолидированного общественного ответа на инакомыслие можно считать конфликт, разразившийся между царевной Софьей, ее прогрессивным окружением, и старомосковскими консервативными религиозными кругами, которые возглавлял патриарх Иоаким, предстоятель Русской церкви тех лет.

Патриарх Иоаким, центральная фигура русского консервативного направления мысли второй половины XVII в., выступил за скорейшее воцарение малолетнего Петра I сразу после смерти царя Федора Алексеевича. На собрании придворных и высших чинов, случившимся во дворце после смерти Федора Алексеевича, патриарх поддержал воцарение 10-летнего царевича Петра в обход его старшего единокровного брата 16-летнего царевича Ивана. По сути, именно авторитет патриарха возвел Петра на царство в апреле 1682 г. и обеспечил победу «партии Нарышкиных».

Как известно, после этих событий в мае 1682 г. сторонниками «партии Милославских» во главе с царевной Софьей был спровоцирован стрелецкий бунт, окончившийся воцарением второго самодержца – «старшего царя» Ивана V и началом регентства Софьи.

Вступив таким образом в открытое противостояние с патриархом Иоакимом, занимавшим консервативные позиции по всем вопросам церковной и общественной жизни, царевна Софья вынужденно прибегла к поддержке внутрицерковной оппозиции патриарху – тех, кого на языке церковного обихода именовали «папешниками» и «латинствующими». При царском дворе образовались две религиозно-политические группировки: «латинствующая» во главе с Сильвестром (Медведевым) и «грекофилов», возглавляемые самим патриархом⁴. Сторонники Сильвестра были весьма ло-

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАЛИ). Ф. 64. Д. 16. Л. 15.

³ Подробнее о характере раскола см.: *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: духовные движения XVII века. М., 1995.

⁴ *Гаврилов А.В.* Литературные труды патриарха Иоакима. СПб., 1872; *Смирнов П.А.* Иоаким, патриарх Московский. М., 1885; *Барсуков И.П.* Всероссийский патриарх Иоаким (Савелов). СПб., 1890.

ьяльны к усилению дипломатических и военно-политических контактов с западными странами, в то время как «грекофилы» осуждали подобные устремления.

Широко известно, что внутренние церковные конфликты, ереси и расколы существовали во все времена. И выделять факт осуждения ереси на соборе в качестве особой «защитной практики» общества в целом не является целесообразным, так как богословские дискуссии, как правило, остаются предметом споров внутри Церкви. Однако в данном случае богословский спор вышел далеко за рамки церковной дискуссии и стал предметом внутриполитического разбирательства.

Патриарх Иоаким был активным противником прозападных нововведений в России и для общественно значимого удара по «латинствующим» группам влияния при дворе прибег к проверенному временем способу борьбы с условными «западниками» – обратился за помощью к восточным патриархам. Для борьбы с «партией латинствующих» Московский патриарх пригласил двух ученых греков, монахов братьев Лихудов, рекомендованных Иерусалимским патриархом Досифеем. Рассчитывая на то, что его обращение к восточным патриархам вызовет тот же резонанс, что и во времена патриарха Никона – с тех пор участие греческих богословов в церковных вопросах воспринималось в России особенно живо и остро – патриарх Иоаким, вероятно, думал этим привлечь к данной проблеме внимание «московской общественности».

Пригласив греческих богословов в Москву, Патриарх Иоаким поручил им опровергнуть сочинения «латинствующих еретиков». Теперь ему приходилось неустанно бороться с западным влиянием на русскую аристократию, приказных и служилых людей, распространявшимся, по его мнению, либо западноевропейскими специалистами на русской службе протестантского или реже католического вероисповедания, либо польскими иезуитами, в качестве священников сопровождавших дипломатические миссии Речи Посполитой, либо скрытыми униатами, выходцами из Малороссии и Западной Руси. Расчет патриарха был верен – сторонники католического богословия не преминули воспользоваться возможностью проявить свои познания, полученные на скамьях иезуитских коллегий – тем более, что риторика там была обязательным предметом.

Сильвестр Медведев написал книгу под названием «Манна», в которой использовал аргументы католического учения о Таинствах церкви. Лихуды отвечали на это сочинение опровержением, которое названо «Акось, или врачевание, противополагаемое ядовитым угрызениям змиевым». В Москве открылась жаркая полемика по поводу богословских расхождений Сильвестра (Медведева) и Лихудов. Медведев и его сторонники пустили в ход сочинение киевского игумена Феодосия (Сафоновича) «Выклад о церкви святой» и от себя написали «Тетрадь на Иоанникия и Софрония Лихудов», а монах Евфимий Святогорец, сторонник Лихудов, написал в ответ Медведеву «От святых отец на защищение Восточной Церкви»⁵.

Братья Лихуды отозвались сочинением «Мечец Духовный»⁶, в котором изложили в форме диалогов свой спор, происходивший в Львове с иезуитом Руткою, обо всех различиях между православною и римско-католическою церквами. Прения на богословские темы из монастырской ограды перешли в мирские дома и даже на улицу. Люди, мало понимавшие суть богословских тонкостей, увлеклись этим вопросом: купцы, ремесленники и даже женщины стали спорить о догматических различиях между православием и латинской верой.

⁵ Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1885. Кн. 4. С. XVII.

⁶ Мечец духовный: Памятник рус. духов. письменности XVII в. / Соч. Иоанникия и Софрония Лихудов. Казань, 1866.

В исторической литературе не раз высказывалось предположение, что если бы правительство Софьи и В.В. Голицын устояло в августовские дни 1689 г., следующим Московским патриархом мог бы стать Сильвестр (Медведев). Однако это стало невозможным после того, как посланный царевной Софьей к брату Петру патриарх Иоаким перешел на сторону «партии Нарышкиных». Это окончательно завершило в пользу Петра правительственный кризис августа 1689 г. Софью и ее сторонников отстранили от власти.

В 1689 г. по инициативе патриарха был созван поместный собор, который предал анафеме «хлебопоклонническую ересь», заслушал покаянные исповедания «хлебопоклонных еретиков» Сильвестра Медведева и иерея Саввы Долгого, а также «учительное слово» от лица патриарха.

Постановление собора гласило следующее:

Чтохом покаянное саморучное писание прежде бывшего монаха Сильвестра Медведева, ныне же, за свое его самовольное от святых Восточных церкве и от мерности нашае отступничество, и за его зломудрие о пресуществлении святых Таин, и за лживое утверждение, паче же рещи прельщение коварными словесы, чуждаго Латинского обычая, пришедшаго нова в церковь Всероссийскую, <...> имеехом его не точию из монашества изверженна, <...> но и проклята и от христианскаго спребывания, общения и именованя отлученна⁷.

После соборного осуждения Сильвестр (Медведев) был отправлен в Сыскной приказ, где был предан пыткам и публично казнен посредством четвертования. Его единомышленники были изгнаны из России. Усилиями патриарха Иоакима авторитет царевны Софьи и ее окружения был окончательно подорван их связями с вероотступниками.

Таким образом, ставка царевны Софьи на «латинствующих» внутри церкви стоила ей политического будущего, а многим ее сторонникам даже жизни. Буквально через несколько месяцев после описанных событий Софья была свергнута с регентского престола партией Нарышкиных во главе с молодым Петром I и его матерью.

Таким образом, этот прецедент стал одним из первых случаев использования богословской дискуссии в качестве инструмента внутривластной борьбы с последующей фрагментацией общества, выделения инакомыслящего меньшинства на фоне доминирующего большинства. Это стало основой для осуществления так называемой «защитной практики» или «культуры отмены» против «латинствующих» в обществе и в государстве на основе осуждения ереси хлебопоклонничества. Однако, став мощным толчком к низложению царевны Софьи и элементом комбинации, приведшей к победе клана Нарышкиных, это событие не вошло в политическую культуру или традицию российского общества, не оказало заметного влияния на распространение подобных «защитных практик» в истории России.

В XVIII в. проявления «защитной практики» стали еще более редкими, поскольку политика Петра I и его преемников открывала новую страницу в истории российского общества, создала новые институты социальной жизни, сформировала новую историческую повестку. В условиях постоянной переменчивости и подвижности общество все время пребывало в состоянии формирования собственной

⁷ Соборное постановление о разрешении от церковного отлучения Симеона Медведева. Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею Т. 5. 1676–1700. С. 337. (Перевод соборного постановления на современный русский язык: «Прочли покаянное собственноручное письмо от бывшего монаха Сильвестра Медведева, ныне отлученного от Восточной церкви за самовольное отступничество и злонамеренное распространение еретического учения о пресуществлении святых Таин и распространении чуждаго нам латинского обычая, ныне проникшего в церковь Всероссийскую... определить его не только быть лишенным монашеского чина, но и отлученным от церкви и преданным анафеме». – Н.М., А.С., Т.Ч.)

идентичности и не могло сегментировать внутреннюю жизнь по принципу «свое-чужое», подвергая инородные элементы порицанию и отторжению. Первой «защитной практикой» после многих десятилетий бурного реформационного процесса стало время правления Павла I.

Павел I и попытки «отменить» Французскую революцию

Еще в XVII в. в российском политикуме сформировалась устойчивая идея противодействия любому антимонархическому, революционному движению, защиты самодержавия как безусловной ценности. Еще 1 июня 1649 г. царь Алексей Михайлович принял решение выдворить из России всех английских купцов и прочих подданных Британии. Решение было обусловлено революцией в Англии и казнью короля Карла:

Вы всю землю вашу учинили большое злое дело, Государя своего Карлуса короля убили до смерти⁸.

Тем более острой должна была быть реакция конца XVIII в., когда социально-политическое развитие России значительно приблизило ее внутривнутриполитическое положение к положению тех стран, в которых происходили революции, и эта угроза теперь могла восприниматься российским двором как потенциально существенная для России.

Взятие Бастилии и начало революции в Париже в июле 1789 г. всполошили всю тогдашнюю Европу. И хотя в первое время массовых казней сторонников Бурбонов не производилось, европейские монархи смотрели на парижские события с гневом и ужасом. Не стал исключением и русский двор. Но если Екатерина II в первое время к революционным событиям относилась спокойно и даже слегка злорадствовала над Бурбонами (которых считала неспособными правителями⁹), то ее сын и наследник Павел был вне себя от ужаса и ярости. Однажды Павел Петрович читал газеты в кабинете императрицы и выходил из себя:

– Что они все там толкуют! – воскликнул он. – Я тотчас все бы прекратил пушками.

Екатерина ответила сыну: «Vous êtes une bête féroce¹⁰, или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями?»¹¹.

Разумное возражение императрицы спокойствия Павлу не принесло – он опасался, что «до истечения двух лет вся Европа... будет перевернута вверх дном»¹².

Став императором в 1796 г., Павел поставил своей целью «отменить» революцию. И раз уж этого нельзя было сделать в самой Франции, то необходимо было создать надежный заслон идеям, модам и даже словам из Франции на их пути в Россию. Принятые ради достижения этой цели меры можно условно разделить на три блока: борьбу с людьми (ограничение на въезд в Российскую империю), борьбу с символами (одежда) и борьбу с идеями (книжная цензура).

Самым простым способом «отменить» влияние Французской революции на страну было ввести строгий контроль на границах для иностранцев, ехавших в Россию. В екатерининское время многие жители западноевропейских стран охотно приезжали в Петербург и Москву, нанимаясь на службу в государственные струк-

⁸ Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на российском престоле. М., 2007. С. 176.

⁹ См.: Эйдельман Н. Я. Мгновенье славы настает...: год 1789-й. Л., 1989. С. 116–118.

¹⁰ Вы кровожадный зверь (франц.).

¹¹ Шильдер Н.К. Император Павел I. М., 2009. С. 182–183.

¹² Эйдельман Н.Я. Грань веков. Секретная династия. М., 2008. С. 53.

туры или к частным лицам. Немало среди них было и уроженцев Франции. Их число существенно выросло после событий 14 июля 1789 г., когда напуганные сторонники свергнутого короля Людовика XVI бросились за помощью и защитой к европейским монархам, в частности, к Екатерине II. Та им охотно помогала, демонстративно милостиво принимая при дворе. Однако после вступления на трон ее сына ситуация поменялась. Павел I, по словам близкого к нему Ф.В. Ростопчина, «всюду видит ветви революции. Он всюду находит якобинцев»¹³. Неудивительно, что вскоре после воцарения, 28 июля 1798 г., он издал именной указ генерал-лейтенанту Х.И. фон Бенкендорфу, рижскому военному губернатору, гласивший:

Развратные правила и буйственное воспаление рассудка, поправшие закон Божий и повиновение установленным властям, рассеянные в некоторой части Европы, обратили внимание наше...

Поэтому все иностранцы, прибывающие в Россию по торговым делам, должны были «всенепременно» иметь у себя «рекомендательные или поручительные письма от торговых домов того самого города или государства, где они жительствуют, к кому-либо из наших подданных», без этих бумаг въезд иностранцам был воспрещен. Российские консулы должны были давать разрешения на въезд

не сомнительным людям без отлагательства, отписывая, кто именно, откуда, в которое место державы нашей и зачем следует, и к кому адресован, и в то же время о сем проезжем и обо всем уведомлять нас, донося о тракте, чрез который иностранцы ехать намерены¹⁴.

Выстроив «внешний» рубеж обороны и надеясь заранее отсечь тех иностранцев, которые могли быть потенциальными переносчиками «революционной заразы», Павел I обратил пристальное внимание на уже проникшие в страну семена «якобинства». К удивлению и даже ужасу жителей столицы и других крупных городов, император энергично взялся за наведение порядка в одежде. И лишь на первый взгляд эта борьба с костюмом кажется странной или сумасбродной. Дело в том, что символическое сознание было особенно присуще Средневековью, в котором любой материальный артефакт (цветок, дерево, цвет шарфа) имел, помимо прямой функции, еще и существенную символическую составляющую¹⁵. Рыцарская культура, столь горячим поклонником которой был Павел I, была насквозь проникнута символизмом. Стоит ли удивляться, что российский император, серьезно полагавший себя последним «рыцарем Европы» (многие современники в голос отмечали удивительное сочетание в Павле жестокости и рыцарства¹⁶) придавал такое большое значение символам и, соответственно, борьбе с ними.

Как известно, при Екатерине II петербургский двор был одним из самых роскошных и утонченных в Европе, не уступая в этом и парижскому. В Петербурге дамы высшего света (а с ними и мужчины) пристально следили за последними модными веяниями из Парижа, стремясь ни в чем не отставать от тамошних щеголих. Павел I всю эту «вольницу» повелел прекратить, словно бы веря, что от фасона шляпы или платья зависит стабильность державы. Уже в декабре 1797 г. военный губернатор Санкт-Петербурга получил от императора указание

о строгом и неупустительном наблюдении дабы штатские чины, и приказные служители, и все отставные отнюдь не носили жилетов, курток, панталонов, толстых галстуков и никаких фра-

¹³ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Павел I. С. 183.

¹⁴ Гено А. Павел I. Собрание анекдотов и отзывов, характеристик, указов и проч. СПб., 1901. С. 161–162.

¹⁵ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984; Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.

¹⁶ См.: Эйдельман Н.Я. Грань веков. Секретная династия. С. 75.

ков, и других платьев, и других платьев кроме мундиров по высочайше апробованным (то есть одобренным. – Н.М., А.С., Т.Ч.) образцам¹⁷.

При этом «кафтаны немецкие не запрещаются»¹⁸. Эта мера может показаться абсурдной и нелепой, но это лишь на первый взгляд. Жилеты, панталоны и фраки были не просто несколько фривольной гражданской одеждой, раздражавшей привыкшего к унифицированной и стандартизированной военной (или чиновничьей) форме императора. Все вышеприведенные элементы костюма устойчиво ассоциировались (причем не только у Павла I) с революционерами-парижанами. Запрет ношения фраков являлся попыткой российского самодержца поставить барьер распространению опасной «революционной заразы» не только в умах, но в одежде. Если даже такие неявные элементы «революционного костюма» подвергались запретам, то что уж говорить о куда более заметных деталях? В скором времени последовали новые запрещения: «не носить башмаков с лентами, а иметь оные с пряжками»; «не увертывать шею безмерно платками, галстуками или косынками»; «воспрещается ношение синих женских сюртуков с красными воротниками и белой юбкою» и т. п.¹⁹

Непривыкшие к таким строгостям подданные Павла I поначалу растерялись, не очень понимая, насколько серьезно император собирается бороться с панталонами и башмаками с лентами. Оказалось, что вполне серьезно. Один из указов императора гласил:

Усмотрели мы развратные поступки Литовской губернии бржетского городничего Пирха, который, забыв все обязанности служения, противу узаконений наших публично ходил в круглой шляпе, во фраке и сею неблагопристойною одеждою ясно изображал развратное свое поведение...²⁰

Кара была незамедлительной и суровой: несчастный городничий был «выкинут со службы»²¹. От невнимательности к элементам костюма (случайной или сознательной) страдали не только чиновники средней руки в далеких от столицы городах. Князь И.М. Долгоруков, завсегда гатчинского кружка, принимавший участие в домашних дворцовых спектаклях тогда еще наследника престола Павла Петровича, полностью отрезал себе все карьерные пути такой же фривольной манерой одеваться. Будучи пензенским вице-губернатором (1791–1796 гг.), Долгоруков следил за событиями в Париже и,

как энтузиаст, пленялся софизмами гг. философов и равнодушен был к их успехам. Тогда во Франции брошены титулы, наряды, ордена. Я, находя это очень покойным, перенял моду не чесаться и не пудриться: отличительная наружная черта республиканца в Париже. По ней судил меня слишком бегло князь Куракин и утвердился в тех мыслях, что я якобинец, как будто бы помада и пудра или цвет шапки делают человека и образуют его характер». А.Б. Куракин, один из ближайших доверенных лиц цесаревича, рассказал об этом Павлу, тот «был напуган уже потоком революции, это внушение подействовало на него, и он убедился, что я преопасный гражданин и, как говорилось тогда, «un républicain engagé»²². Довольно было такого несчастного впечатления, чтобы погубить меня со временем совершенно. <...> Павел, взойдя на престол, тотчас выключил меня из службы, в которую я с большим трудом вступил после опять, но все царствование его был гоним и обижаем собственно им самим»²³.

¹⁷ Указы и распоряжения, состоявшиеся в царствование Павла I // Русская старина. 1871. Т. 3. Вып. 5. С. 639.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Гено А. Павел I. Собрание анекдотов... С. 235–238.

²⁰ Там же. С. 230.

²¹ Там же.

²² Ярый республиканец (франц.).

²³ Там же. С. 170.

Элементы одежды были важным символом ненавистного Павлу I «якобинского» (революционного) духа. Но куда более ярким и, главное, явным его выразителем были слова и термины. «Пушки не могут воевать с идеями», резко бросила императрица Екатерина II своему наследнику. Сменив мать на престоле, Павел I решил словно бы проверить этот тезис на прочность. Он объявил войну и Французской республике, и словам, которые с ней ассоциировались. Попытка запретить «революционную лексику» была оформлена распоряжением императора «об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими». В частности, вместо слов «общество» следовало в донесениях на высочайшее имя писать «собрание», слово «гражданин» превратилось в «купца или мещанина», «стража» (попавшее по непонятным причинам в этот список) была заменена на «караул» и т. д.²⁴ В борьбе с галлицизмами (истинными и мнимыми) император вновь дошел до абсурда: из-за запрета слова «караул» шеф гренадерского полка Лобанов приказал священнику петь на заутрене «На божественном карауле богоглаголивый Аввакум...» (вместо «На божественной страже...»)²⁵. Можно согласиться с мнением Н.Я. Эйдельмана, что

смешные запреты слов «клуб», «совет», «представители» – это не просто борьба с якобинской терминологией, а «запрет революции»²⁶.

Подозрительные иностранцы, фраки и панталоны, даже слова «собрание» и «гражданин» можно назвать лишь прелюдией к главной мере по «отмене» Французской революции. Основной удар по позициям «якобинцев» Павел I готовил в области слова печатного при помощи цензуры. К сожалению, мы очень мало знаем о юношеских годах Павла Петровича, когда он рос и воспитывался. Свидетельств и источников дошло немного. Но среди сохранившихся историй о молодом Павле есть такая:

Еще мальчиком цесаревич Павел Петрович сказал 22 декабря 1764 года Порошину²⁷: «Куда как книг-то много, ежели все взять сколько ни есть их; а все-таки пишут да пишут»²⁸.

С кончиною Екатерины II отношения правительства к литературе не только не изменились к лучшему, но сделались еще суровее. Екатерина, пережившая все фазисы французской революции, казнь Людовика XVI и предшествовавшее ей убийство Густава III шведского, еще имела некоторое основание ограждать Россию от наплыва новых идей, враждебных самодержавию и не менее того духу народному²⁹.

Новый император стал подозревать, что именно через книги быстрее и вернее всего «якобинские идеи» попадают в границы вверенной ему державы. Этот канал следовало перекрыть. Важность, которую император придавал цензуре, подчеркивалась тем, что большинство дел по запрету тех или иных сочинений в России рассматривалось в особом Совете, в состав которого входили министры 7-ми департаментов (или министерств), а также вице-канцлеры. Из подсчетов М.В. Ключкова следует, что рассмотрение книг происходило на заседаниях Совета в общем с 25 июня 1797 г. до 18 апреля 1800 г. По годам цифры выглядят следующим образом: в 1797 г. – на 22-х заседаниях (из общего количества за год – 52); в 1798 г. – тоже на 22-х

²⁴ Распоряжение императора Павла об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими // Русская старина. 1872. Т. 6. Вып. 7. С. 98.

²⁵ Гено А. Павел I. Собрание анекдотов... С. 111.

²⁶ Эйдельман Н. Я. Грань веков. Секретная династия. С. 71.

²⁷ С. А. Порошин – публицист, мемуарист, один из воспитателей Павла I.

²⁸ Шильдер Н. К. Император Павел I. С. 322.

²⁹ Каратыгин П. П. Цензура времен императора Павла I. 1796–1801 // Исторический вестник. 1885. Т. 22. № 10. С. 152.

(из 28-ми), в 1799 г. – на 20-ти заседаниях (из 20-ти) и в 1800 г. – на 5-ти (из 16-ти), а всего цензурные дела обсуждались на 59-ти заседаниях (из общего количества 133 за павловское время), причем иногда рассмотрение книг и чтение рапортов цензуры занимало целиком заседание Совета, но больше всего цензурные дела были только частью, так сказать, повестки Совета³⁰. При этом

в Совет поступали книги, уже просмотренные цензурой и признанные ею «недозволенными» или же «сомнительными», так что в этом случае Совет играл роль как бы главного цензурного комитета. Совет в большинстве случаев соглашался с цензурой, и книги, представленные ему, запрещал; впрочем, окончательное решение предоставлялось высочайшей власти³¹.

«Высочайшая власть» поступала с книгами и теми, кто их выписывал, максимально сурово. Например, из 25-ти книг, представленных рижской цензурой на Совет, все были запрещены, а резолюция Павла I на их счет гласила: «Книги сжечь, а хозяев, отыскав, поступить с ними по законам за выписку оных»³². Иными словами, Совет, превратившись в верховный цензурный орган, разрешал сомнения нижестоящих структур, на которые и выпала основная задача по борьбе с «тлетворным влиянием».

Взглянем на «рядовых бойцов» цензурного фронта. Еще в 1797 г. для просмотра книг, привозимых из-за границы, были назначены особые цензора при таможах, в обеих столицах, в Риге и в Радзивилове³³. Действовали цензоры в страшной спешке. Например, на рижской таможне «даже не успевали своевременно прочитывать все поступающие в таможню книги»³⁴. Но при этом, по официальным документам, в течение двух лет (1797–1799) всех книг было конфисковано 639, из которых 552 – только при одной рижской таможне³⁵. Никаких критериев, по которым следовало бы отличать «вредные» сочинения от неопасных, само собой, не существовало. Цензоры действовали, ориентируясь на свой вкус, общее понимание предмета и представление о том, что от них ждут в Петербурге. Стоит ли удивляться, что часто их «самодеятельность» приводила к забавным и одновременно нелепым запретам: стараниями «знаменитого обскуранта» Ф.О. Туманского на рижской таможне были обречены на сожжение такие произведения, как «Путешествие Гулливера» Свифта, «Дитя любви» (драма Коцебу), книга для детей «Часы досуга», «Нравственные рассказы Августа Лафонтена»³⁶. При этом выглядит удивительным разрешение (хоть и с некоторыми оговорками) сочинения Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре»³⁷. Причудлива была судьба сочинений другого французского Просветителя, Вольтера, которого можно смело назвать одним из главных идейных вдохновителей Французской революции. Вряд ли Павел I читал труды бывшего корреспондента своей матушки, однако имя его точно знал и относился с ненавистью и подозрением. Каково же было удивление цензоров, когда сочинения великого насмешника Вольтера в России сперва решили не запрещать к ввозу. По довольно, в общем, разумной причине:

Так как до сего времени сочинения Вольтера были ввозимы в Россию в великом множестве экземпляров и находятся во всех книжных магазинах и библиотеках, то преграждением дальнейшего ввоза их не будет достигнута цель³⁸.

³⁰ Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 175.

³¹ Там же.

³² Цензура в России при императоре Павле. 1797–1799 (далее – Цензура в России...) // Русская старина. 1875. Т. 14. Вып. 11. С. 462.

³³ Ныне – г. Радзивилов, Украина.

³⁴ Цензура в России... С. 455.

³⁵ Каратыгин П.П. Цензура времен императора Павла I... С. 153.

³⁶ Там же. С. 153–154.

³⁷ Цензура в России... С. 458.

³⁸ Там же. С. 457.

Однако в итоге желание оградить русскую публику от новых книг Вольтера перевесило – их ввоз в страну был запрещен³⁹.

Доставалось не только французским просветителям. Цензоры беспощадно преследовали любые трактовки событий во Франции с выражением симпатии к революционерам (или с критикой Людовика XVI и его курса). Так, книга «Энциклопедический магазин» была запрещена в России за «описание причин французской революции, с обвинением короля страдальца и многих его министров по нынешнему вкусу», а также за «выражения, токмо нынешним французам (то есть сторонникам революции. – *Н.М., А.С., Т.Ч.*) свойственные»⁴⁰. Примерно по тем же сообщениям был запрещен журнал «Минерва» на немецком языке: за «рассуждение в пользу Франции и в обиду монархических войск» и «воззв в пользу нынешнего (то есть республиканского. – *Н.М., А.С., Т.Ч.*) правления Франции». Цензор резюмировал:

Подобные воззвы суть ныне средства к распространению вольнодумства и развращению народов⁴¹.

На притеснения цензуры пенял и выдающийся писатель Н.М. Карамзин. В письме И.И. Дмитриеву он жаловался:

Цензура, как черный медведь, стоит на дороге; к самым безделицам придирается. Я перевел несколько речей из Демосфена... но цензоры говорят, что Демосфен был республиканец, и что таких авторов переводить не должно, и Цицерона тоже, и Саллюстия также... grand Dieu⁴²! Что же выйдет из моего Пантеона?⁴³

Если претензии цензоров к вышеперечисленным сочинениям еще можно хоть как-то рационально объяснить, то в чем состояли придирки, например, к книге «Часы досуга», в самом названии которой явно выражена цель издания? У нас есть возможность понять это: цензура возмутилась тем, что автор статьи о бое быков назвал его

подлым и бесчеловечным, а он был назначен королем и происходил в его присутствии, что не иначе как до двора королевского относится⁴⁴.

Справедливости ради стоит заметить, что «Часы досуга» были все же пропущены цензурой⁴⁵. Такая суматошная, ничем не регламентированная работа цензуры не обходилась, разумеется, без абсурда. Однажды супруга Павла I, Мария Федоровна, выписала себе из-за границы книги. Таможня, не получив предписания об исключении императрицы из общего правила, задержала адресованные ей книги. В итоге помогла только личная жалоба царственному супругу⁴⁶.

Однако Павлу I все время казалось, что принимаемых мер недостаточно. Еще в 1798 г. российский император не только «отменял» французскую революцию в своей стране, но и боролся с ней в Европе – Россия в тот год вступила в антифранцузскую коалицию, открывшую военные действия на море и на суше. Желая не только сокрушать врага на поле боя, но и не дать ему никаких шансов в противостоянии идеологическом, 7 марта 1799 г. Павел I повелел

³⁹ Цензура в России... С. 457.

⁴⁰ Там же. С. 456–457.

⁴¹ Там же. С. 457.

⁴² Великий Боже (*франц.*).

⁴³ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Павел I. С. 322.

⁴⁴ *Каратыгин П. П.* Цензура времен императора Павла I... С. 154.

⁴⁵ Цензура в России... С. 464.

⁴⁶ *Гено А.* Павел I. Собрание анекдотов... С. 174.

чтобы впредь все книги, коих время помечено каким-нибудь годом Французской республики были запрещаемы⁴⁷.

Цензоры вздохнули облегченно – для них наконец наступила ясность в вопросе о том, какие сочинения допускать нельзя. При этом из-за указа 7 марта в России был запрещен выпуск 13 французских книг, большей частью научного содержания, то есть совершенно невинных и политически никак не окрашенных⁴⁸.

Борьба с книгами и подозрительными иностранцами ложилась тяжелым бременем не только на таможенную и цензурную. В нее в полной мере были включены и исполнительные власти «внутренних губерний». Типичным в этом случае можно назвать предписание казанского губернатора местному городничему:

Сильнейше наблюдать дабы отнюдь не было никаких сочинений, кои могли бы или нарушать общее благосостояние, или же наносить и самый тому вред⁴⁹.

Виновных же в их распространении «взять под караул», а «сочинения таковые и самые от них последствия истреблять и не допускать распространиться им ни до какой степени». Кроме того, городничему было строго предписано

обращать внимание свое и на всех иностранцев, въезжающих в империю, дабы о состоянии своем имели они законные удостоверения и не покушались бы рассеивать каких-либо разглашений или сочинений своих⁵⁰.

Однако финальная точка в деле «отмены» французской революции была поставлена Павлом I указом от 18 апреля 1800 г. Дословно он гласил:

Так как чрез ввозимые из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия, от отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оны ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку⁵¹.

Запрет на ввоз любых книг (и почему-то нот) был логичным финальным актом драмы под названием «Отмена французской революции».

Был ли он эффективным в той мере, в какой хотелось российскому императору? Сомнительно. Екатерина II была права: «пушки» (в данном случае, цензурные препоны) в самом деле не могут «воевать с идеями». Это прекрасно понимал сын Павла I и внук Екатерины II – Александр I. Едва вступив на престол, он именным указом Сенату от 31 марта 1801 г., повелел:

Простирая попечения наши на пользу верноподданных наших и желая доставить им все возможные способы к распространению полезных наук и художеств, повелеваем учиненное указом 18 апреля 1800 года запрещение на впуск из-за границы всякого рода книг и музыки отменить⁵².

Борьба за «отмену» французской революции окончилась.

Как можно оценить попытки Павла I при помощи цензурных и иных ограничений поставить заслон на пути распространения идей французской революции? Как было показано выше, несмотря на строгость мер и жестокое преследование провинившихся, власти не удалось изолировать российское общество от происшедшего во Франции. Эту цель в общем стоит признать утопической. Бросается

⁴⁷ Каратыгин П.П. Цензура времен императора Павла I... С. 154–155.

⁴⁸ Цензура в России... С. 467.

⁴⁹ Указы и распоряжения, состоявшиеся в царствование Павла I. С. 634.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. № 19387.

⁵² Там же. № 19807.

в глаза и другой аспект: борьба Павла I с революцией происходила уже в тот момент, когда в самой Франции у власти давно не было ультрареволюционеро-якобинцев. Выходило, что

Павел I ужасался революции задним числом; он с яростью попирает остатки якобинизма, принимал эхо за живой голос, тень за живое существо, внешность за внутренность⁵³.

Важно заметить, что «отмена революции» означала для Павла I не только запрет революционных книг или мод, а отмену *вообще всего французского*. Совершенно очевидно, что, взяв на себя непосильную задачу, император не смог ее исполнить, даже обладая всеми ресурсами огромного государства. Одна из первых в русской истории попыток «отмены» (в смысле запрета, то есть «защитной практики») провалилась.

Выводы

Таким образом, рассмотрев «защитные практики» в русской истории XVII–XVIII вв. как церковные, так и светские, можно сделать вывод, что при некотором внешнем сходстве со стратегиями «культуры отмены» (запрет того или иного явления и порицание тех, кто это явление поддерживает и распространяет), на лицо явные отличия. «Защитные практики» XVII–XVIII вв. были вызваны прежде всего соображениями политическими, представляли собой способы борьбы прежде всего с политическим инакомыслием, опасным для власти (церковной или светской). Если то или иное лицо не поддерживало «вредные идеи», то «защитная практика» более не представляла для него опасности. Иными словами, борьба шла не с конкретными людьми, не с национальными культурами, а с отдельными явлениями. И носила она не последовательный, а ситуативный характер.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 18.05.2023

References

- Barsukov, I.P. *Vserossiiskii patriarkh Ioakim (Savelov)* [All-Russian Patriarch Joachim (Savelov)]. St. Petersburg: O-vo Liubitelei dukhovnogo prosveshcheniia Publ., 1891 (in Russian).
- Bussov, K. *Moskovskaia khronika 1584–1613 gg.* [Moscow Chronicle 1584–1613]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1961 (in Russian).
- Eidelman, N.Ia. *Gran' vekov. Sekretnaia dinastiia* [Edge of the ages. Secret dynasty]. Moscow: Vagrius Publ., 2008 (in Russian).
- Gavrilov, A.V. *Literaturnye trudy patriarkha Ioakima* [Literary works of Patriarch Joachim]. St. Petersburg: Strannik Publ., 1872 (in Russian).
- Geno, A., Tomich. *Pavel I. Sobranie anekdotov i otzyvov, kharakteristik, ukazov i proch* [Pavel I. Collection of anecdotes and reviews, characteristics, decrees, etc.]. St. Petersburg: Sinodal'naia tipografiia Publ., 1901 (in Russian).
- Golubtsov, A.P. *Preniia o vere, vyzvannye delom korolevicha Val'demara i tsarevny Iriny Mikhailovny* [The Debate on Faith Caused by the Case of Prince Valdemar and Princess Irina Mikhailovna]. Moscow: Tip. A.I. Snegirevoi Publ., 1891 (in Russian).
- Karatygin, P.P. “Tsenzura vremen imperatora Pavla I. 1796–1801 [Censorship under Emperor Paul I. 1796–1801].” *Istoricheskii vestnik* 22, no. 10 (1885): 151–160 (in Russian).
- Klochkov, M.V. *Ocherki pravitel'stvennoi deiatel'nosti vremeni Pavla I* [Essays on government activities of the time of Paul I]. Petrograd: Senatskaia tipografiia Publ., 1916 (in Russian).
- Preobrazhenskii, A.A., Morozova L.E., and Demidova, N.F. *Pervye Romanovy na rossiiskom prestole* [The first Romanovs on the Russian throne]. Moscow: IRI Publ., 2007 (in Russian).

⁵³ Каратыгин П.П. Цензура времен императора Павла I... С. 153.

- Shilder, N.K. *Imperator Pavel I* [Emperor Pavel I]. Moscow: Veche Publ., 2009 (in Russian).
- Shliapkin, I.A. *Sv. Dimitrii Rostovskii i ego vremia (1651–1709 g.)* [St. Demetrius of Rostov and his time (1651–1709)]. St. Petersburg: A. Transhel' Publ., 1891 (in Russian).
- Smirnov, P.A. *Ioakim, patriarkh Moskovskii* [Joachim, Patriarch of Moscow]. Moscow: L.F. Snegireva Publ., 1885 (in Russian).
- Zenkovskii, S.A. *Russkoe staroobriadchestvo: Dukhovnye dvizheniia XVII veka* [Russian Old Believers: Spiritual movements of the 17th century]. Moscow: Tserkov' Publ., 1995 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Николай Алексеевич Могилевский, канд. истор. наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76; n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-6256>

Nikolay A. Mogilevskiy, Dr. Habil. Hist., PhD in History, Ass. Professor of the Department of World and Domestic History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University); 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-6256>

Алексей Владимирович Скиженок, канд. истор. наук, старший преподаватель кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76; francealex8@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0624-6258>

Alexey V. Skizhenok, PhD in History, Senior Lecturer of the Department of World and Domestic History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University); 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; francealex8@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0624-6258>

Татьяна Васильевна Черникова, д-р истор. наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76; tchernikova1961@mail.ru

Tatiana V. Chernikova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of World and Domestic History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University); 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; tchernikova1961@mail.ru